

Проза

Справка «ММ»

Евгения Шевченко родилась 20 марта 1974 года в городе Миасс Челябинской области. В 1980 году переехала с родителями в Магнитогорск. Училась в школе № 34 и на словесном отделении Магнитогорского лицея, затем поступила на факультет педагогики и методики начального обучения в МГПИ.

Занималась в литературном объединении педагогического института. Удостоена диплома литературного конкурса имени К. М. Нефедьева за цикл рассказов «По ту сторону стекла».

Работала в газетах «Магнитогорские вести», «Новая версия Магнитогорска», «Магнитогорский металл». Составитель сборника «Стальные байки», изданного редакцией газеты «Магнитогорский металл». Автор книги рассказов и историй «Из тени в свет перелетая» (12+). В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге.

Рассказы и побасёнки

✍ Евгения Шевченко

Хозяин

Конечно, для такого события и день должен быть необычным. Вроде 29 февраля или хотя бы Масленицы. В общем, когда – не скажу, а съёс петух яйцо. И некому было это яйцо насидеть, зима ведь на дворе. Да и по правде сказать, ни к чему это. Яйцу тому необычному холод был нужен. Пролежало оно неприметно в уголке двенадцать дней, а на тринадцатый лопнула скорлупа, и выбрался оттуда Хозяин. Маленький, конечно, раз в яйце помещался, а уже бородатый, глаза так и сверкают. В общем, палец ему в рот не клади – запросто откусит.

Озорничал сначала. На курицу прыгнет сверху и ну на ней носиться по курятнику. Или яйца разобьёт да смеётся. Потом подрос, и не обучал его никто, а просто память в нём проснулась. Решил в дом перебраться.

Раньше, конечно, везде были свои домовые: в хлеву один, в бане другой, которого банником называли, в доме – самый старый и опытный. А этому – живи, где хочешь, почти перевелись сейчас домовые-то. Вот и стал он жить в доме. И всё ему казалось не так. Спрячет, бывало, у хозяйки расчёску или у её мужа книгу. Ищут, ищут. Нет бы сказать: «Домовой, домовый, поиграй да отдай». Он бы отдал, не жалко. Они молчат: слов не знают и в домовых не верят. Есть ему, конечно, не оставляли. Он что со стола сам возьмёт, а что и у кошек отнимет. Молоко любил. Кошку отгонит, сам напьётся.

Скучно было Хозяину. Волосы полгались бабам путать, да у жены и её дочери старшей стрижка короткая. Даже печи не было, камин только. Бывало, выберется Хозяин на крышу, на трубу сядет и смотрит на луну, думает думу нездешнюю. Или совсем уж заскучает – младшему начнёт пятки щекотать, тот проснётся, заплачет – и то веселее.

А однажды узнал Хозяин каким-то своим способом, что старшей девочке беда грозит. Ходила она на косу купаться. Коса та была нехорошим местом. Однажды там девочку задушенную нашли, другой раз – машину с трупами. И ещё Хозяин много чего знал, что нам неведомо. В общем, не хотел он девочку на косу в тот день пускать. Хоть и суров Хозяин был, он и раньше по мелочам помогал. Узнал, что жена руку порежет, – нож и запрятал. Или как-то муж должен был ногу во дворе сломать. Припёр Хозяин дверь, пока тот её открывал, время-то и прошло.

А тут как быть? Ночью в сон девчочий зашёл, обернулся стариком, намекнул. Чувствует – не поверила. Потом сны на неё ещё наслал – воды мутной, и рыбу тухлую, и зуб вырванный. На грудь ей садился, давил. Ей бы спросить – к худу или к добру? – он бы ей объяснил всё, напрямую-то нельзя. А она молчит. А утром – то спотыкаться её заставлял, то соль рассыпал. Но не такая она была, чтоб в приметы да в сны верить.

Осталась девочка одна. Тут Хозяин ей и показался. И мороку не напускал – какой есть, такой и вышел. Смотрит девочка, напугалась, закричать не может. А домовый пальцем ей погрозил и сказал, чтоб на косу не ходила, плохое с ней там сделают. И ушёл.

Девчонка на косу, конечно, не пошла. А Хозяин заболел очень. Нельзя ему было выходить да рассказывать. В подпол забился, катался да землю грыз. Кричал, а людям казалось – ветер воеет. Умереть решил у себя в камине, доплёлся, запнулся обо что-то. Видит – блюдечко с молоком. Раз в камине, значит, не для кошек. Попил Хозяин да решил – ещё поживу. Свернулся клубоч-

ком – и спать. Приснился ему его дед: улыбается да рукой машет.

Фотография Иисуса Христа

Бабушка с дедушкой в бога, вроде бы, не верили. Дед был то ли язычником, то ли атеистом. Он часто говорил мне нравоучительным тоном: «Женя, бога нет! Есть только силы природы». Бабушка о боге не рассуждала вообще. В церковь не ходила, молитв не читала, хотя крестик носила и не снимала его даже в бане. А в избе, в красном углу, рядом с ковром, на котором несколько красно-коричневых оленей пришли на водопой, висела у них объёмная икона. Чёрно-белый Иисус в обрамлении выцветших от времени красных пластмассовых розочек под засиженным мухами стеклом.

Однажды, накануне Пасхи, я предложила бабушке:

– Давай куплю вам хорошую большую икону в церкви вместо вашей самоделки.

– Ты что, ничего нам не нужно, это же настоящая фотография Иисуса Христа! – замаяла она руками.

– Когда Иисус Христос пришёл на землю, фотоаппаратов ещё не было, – засмеялась я.

– Ну, может, это в какой другой раз его сфотографировали. Лет тридцать назад проходил через Санарку немой. Он нам с дедом продал такую фотографию, и Растрёпе, и Дусе, и Саре, и Стасе... А раз он немой, как он тебе объяснит, откуда фотография? – бабушка победно посмотрела на меня.

Дальше спорить я не стала. Потому что всё могло бы кончиться обидой бабушки на то, «какие вы все, городские, умные».

Пасхальную ночь я провела на службе в церкви. Пришла домой часа в три ночи и, прежде чем лечь спать, зашла в малую попить чаю. Взглянула на объёмную икону – вокруг чёрно-белого изображения Иисуса Христа ярко алели настоящие, живые розы, исходящие соком, безжалостно примятые стеклом.

Чёрный

Оксана гордилась, что всё у них с Ритой складывалось удачливее, чем у других отдыхающих. Прекрасный номер, удобное место в столовой. На них, красивых и радостных, все оглядывались. Даже этот пёс, и то сразу выделил их из толпы.

Вообще, собак в Абзакове было очень много. Все крупные, лобастые, опытные. Они сюда сбежали со всей округи. «Орлёнок» закончил сезон – они прибежали, дача – то же самое. Привозили и бросали собак отдыхающие... Но породистые тут долго не живут – законы другие. Колли и спаниели просто не умели ловить подачку в воздухе. Сидели, смотрели и погибали первыми. Когда собака становилось много, их уничтожали. Никогда не отстреливали – зачем пугать отдыхающих? Просто подмешивали яд в пищу.

Тот пёс был мощный, чёрный, с блестящей шерстью. Он дежурил прямо у двери в столовую – самое хлебное место. За него надо было драться. Когда Оксана с дочкой вышли из столовой, он, конечно, был тут как тут. Хлеб взлетел в воздух, ляг челюстей – отработанный трюк. Рита погладила пса тёплой ладошкой. Ладошка пахла карамелью. Они отошли на несколько шагов, и пёс вернулся к своему посту. Но Оксана вдруг позвала его: «Чёрный, ко мне!» Сегодня ей всё удавалось, пёс сразу же подбежал. Ему давно никто ничего не приказывал.

Весь день он ходил за Оксаной как привязанный. С ним было спокойно – крупный, внушающий уважение. Бегал рядом по лесу, в глаза не лез, но боковым зрением всегда можно было заметить чёрную тень. Утром они вышли на за-

втрак – пёс поднялся с заиндевшей земли и, хромя, двинулся к ним. По утрам у него всегда болела лапа.

Через двенадцать дней заезд кончился. Оксана глянула в окно на Чёрного. Она вспомнила, что на какой-то станции метро в Токио поставили памятник собаке, которая десять лет встречала своего умершего хозяина. Чёрный сейчас тоже напоминал чугунную статую. Но сегодня же в обед он займёт своё привычное место у двери в столовую. В конце концов, сколько у него было таких курортных романов.

И всё-таки они покинули дом отдыха как воры, через запасный выход. Они не украли махровое полотенце или плафон из номера, но с одеждой, косметикой и игрушками случайно увезли что-то другое.

Чёрного пытались отравить – но он отказывался от пищи. Тогда, в нарушение правил, его отстрелили вечером за третьим корпусом. Несколько человек слышали два выстрела и визг, но их успокоили. Ведь пёс выл три ночи подряд, не давая отдыхающим спать спокойно.

Уму не растяжимо

Сначала я думал – это камень. Желтовато-белый, поверхность шершавая, округлый и тяжёлый, размером с кокос. Потом догадался, что это яйцо. Вернее, не сам – мне кошка подсказала. Она куринные яйца очень любит. Сварю, она ждёт не дожждётся, пока остужу. Трётся вокруг и такие характерные звуки издаёт: мрр-бее, мрр-бее. Я камень на полку положил, а кошка вокруг него давай круги выписывать и «мррбекать». Тут меня и осенило.

Я это яйцо в озере нашёл, когда на Чебачье ездил с друзьями. Когда в воду заходил, наступил ногой на что-то гладкое и округлое. Вытащил, очистил от тины и решил домой взять – было в этом камне какое-то очарование.

И что теперь с ним делать? Возле батареи я устроил инкубатор: взял старый аквариум, на дно положил электрогрелку, сверху приделал лампу помощнее. А зимой, прямо перед Новым годом, прихожу домой, заглядываю в инкубатор – а там одна скорлупа, толстая, как осколки керамической кружки.

Я нашёл его под диваном: сморщенный чёрный зверёныш, похожий на пакет для мусора. Блестящие глазки, роговой клюв. А за два чёрных крыла. Он опять меня провёл: я думал, он динозавр, а оказалось – дракон.

До весны я его откормил: он стал размером с крупного пса. Ел всё, что ему давал, особенно любил рыбу. Запомнил своё имя – я назвал его Дракошей. Огнём плевался редко, да и то, когда маленький был. Иногда по вечерам я выпускал его летать с балкона. И всё время боялся, что он не найдёт дорогу домой, но он всегда возвращался. Иногда я смотрел в его глаза, и в моём мозгу возникали какие-то расплывчатые картины: множество драконов на скалах, озёра, полные рыбы, земля с высоты драконьего полёта...

Весной я решил отвезти его в Санарку, в деревню к своей бабушке. Там ему не в пример вольготнее будет, травки вдоволь и рыбы в озере. А я к нему пару раз в месяц приезжал бы. Привёз, а бабушка заругалась:

– Куда, – говорит, – я его дену, твоего дракона? Соседи засмеют.

А потом решила устроить его в сараюшке в лесу. Там у неё лошадь жила с сосунком. Пока шли до сараюшки, она рассказала, как лошадь убежала в лес, а потом вернулась и родила непутёвого жеребёнка.

– Это уму не растяжимо, – сказала про него бабушка, которая любила городские выражения. – Его тоже соседям показывать стыдно, поэтому пусть вместе живут.

Вечерело. Мы с Дракошей вошли в полутёмный сарай и увидели кобылу Машку и её сосунка: белоснежного жеребёнка с крепкими ногами и одним острым витым рогом прямо посреди лба.

Арина Петрова